

## **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

.....

**В. Н. Панин\***

В последние годы политические, экономические и социальные трансформации, происшедшие в мире, в значительной степени изменили геостратегическую конфигурацию Ближнего Востока. С одной стороны, он перестал быть одной из основных арен противоборства двух сверхдержав, произошел прорыв политической изоляции Израиля в регионе, с другой стороны, принимая во внимание все возрастающую роль зависимости мировой экономики от ближневосточной нефти, все большее количество индустриально развитых государств мира начинают артикулировать свои интересы в регионе. Это касается как западноевропейских стран и Японии, так и быстрорастущих экономических гигантов Азии — Китая и Индии. Учитывая ослабление геополитических позиций России, на роль евразийской сверхдержавы все более настойчиво начинает претендовать Турция.

В результате развала СССР на южной геополитической дуге, связывающей Ближний Восток с Россией, появился ряд новых государств, только начинающих создавать свои социально-политические системы и формировать национальные интересы и приоритеты. Речь здесь идет, прежде всего, о трех странах Южного Кавказа, или Закавказья. Перекройка геополитической расстановки сил может привести к тому, что либо все они или хотя бы часть из них останутся в сфере влияния России и тем самым она упрочит свои геополитические позиции на южном направлении, либо они войдут в сферы влияния других государств, а это будет означать дальнейшее «выдавливание» России как с Ближнего Востока, так и с Кавказа.

В значительной степени этому способствует тот факт, что на Восточном Кавказе и в Каспийском бассейне обнаружены значительные запасы нефти: по

---

\* Панин Виктор Николаевич — доктор политических наук, профессор, декан факультета международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета. Электронная почта: paninv1@yandex.ru.

различным оценкам — от 30 до 200 млрд баррелей. Экономические аналитики в мире в среднем исходят из цифры в 90 млрд баррелей [3, р. 6]. Таким образом, появляется своеобразный стратегический энергетический эллипс, включающий в единое целое Кавказ и регион Ближнего Востока. В нем сосредоточено до 67 % разведанных мировых запасов нефти и 40 % мировых запасов газа. Тот, кто будет его контролировать, во многом будет определять мировую политику в XXI в. [1, с. 27–35]. Это свидетельствует о том, что геополитическая конфигурация Ближнего Востока получает свое расширение. Учитывая, что регион Кавказа также содержит в себе значительный конфликтный потенциал: это и карабахский узел, грузино-абхазский и грузино-южноосетинский конфликты, чеченский конфликт и др., ожидать установления долгосрочного мира как на Ближнем Востоке в целом, так и в сопредельных с ним регионах было бы преждевременно.

Однако дальнейшая эскалация субрегиональных конфликтов может перерасти в единый региональный конфликт, чреватый непредсказуемыми последствиями для всего мира. Для России в конечном счете это может обернуться потерей не только Южного, но и Северного Кавказа и отторжением ее и от южных морей, и от основных энергетических потоков XXI столетия. Подобный сценарий означает, что Россия, относившаяся к числу мировых лидеров, превратится во второстепенную евроазиатскую державу и перспектива ее дальнейшего развала будет переведена в практическую плоскость.

Учитывая кардинальные геополитические изменения в мире и регионе, произошедшие за последние 10 лет, можно выделить следующие черты, которые в основном определяют геополитическое будущее Ближнего Востока.

В условиях современных процессов, таких как глобализация и интернационализация международных отношений, границы государств становятся более прозрачными для финансовых потоков и экономического сотрудничества. Многие проблемы, стоящие перед государствами не могут уже решаться в одиночку. В результате этого на Ближнем Востоке создается новая конфигурация, которая включает в себя помимо традиционных субрегионов новые, имеющие схожие экономические интересы, единую цивилизационную основу. Иными словами, в настоящее время происходит расширение геополитического массива Ближнего Востока, в первую очередь за счет части Малой Азии (Турция), Южного Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан) и Среднего Востока (Иран). Основой для подобных интеграционных тенденций выступают прежде всего экономические (разработка и транспортировка энергоносителей) и цивилизационные факторы (ислам). Богатые нефтедобывающие страны Персидского залива — один из основных финансовых кредиторов вновь образованных стран Центральной Азии. Важное значение играет паломничество в святыне для мусульман места в Саудовской Аравии, а также бесплатная подготовка священнослужителей для новых регионов в традиционных мусульманских образо-

вательных центрах Ближнего Востока, начинающих проповедовать ислам по арабским канонам, нередко вступающим в противоречие с местными традициями.

В этих странах все более популярным становится изучение арабского языка, а через него происходит постепенное приобщение к культуре и традициям ближневосточных обществ. Более того, быстрый рост влияния ближневосточных стран становится все ощутимее и в мусульманских анклавах Северного Кавказа. Определенными силами Ближнего Востока вынашиваются различные стратегические планы по отторжению региона от России и созданию либо единого мусульманского государства, либо некоей мусульманской конфедерации [4, р. 135–151].

Увеличение темпов и объемов промышленного производства в мире ставит многие страны в большую зависимость от ближневосточной нефти. Следствием этого является увеличение количества геополитических игроков, вовлекающихся в борьбу за контроль над ближневосточными энергоресурсами. Это в равной степени касается и Каспийского региона. Его специфика состоит в том, что он не имеет прямых транспортных выходов на мировые рынки. В связи с этим, помимо вопросов добычи нефти, начинает актуализироваться проблема путей ее транспортировки, поскольку страны, через которые пройдут нефтепроводы, кроме прямой экономической выгоды получают дополнительный геополитический вес как в региональной, так и в мировой политике.

Различают пять основных маршрутов транспортировки каспийской нефти на мировой рынок: северный, северо-западный — через системы российских нефтепроводов в Европу, западный — через Азербайджан и Грузию к нефтяным грузинским терминалам в районе Супсы на Черном море, юго-западный — через Азербайджан, Грузию и Турцию к нефтяному терминалу Джейхан в Средиземноморье и южный — через Иран к иранским нефтяным терминалам в Персидском заливе. Возможны еще два маршрута: восточный — через Казахстан в Китай и юго-восточный — через Туркмению в Пакистан и Индию, однако их практическая реализация — дело отдаленного будущего.

В связи с этим наблюдается формирование двухблоковой региональной конфигурации государств, претендующих на установление контроля за транспортировкой Каспийской нефти: это США и Турция, выступающие за юго-западный маршрут, и Россия с Ираном, стремящиеся к сохранению *status quo*. Каждый из указанных маршрутов имеет свои преимущества и недостатки. Поэтому пути транспортировки каспийской нефти во многом предопределяют геополитическое будущее региона.

Рост экономической мощи Европейского союза и ряда азиатских государств предопределяет то, что Ближний Восток становится зоной острого геополитического соперничества между старыми и новыми центрами силы. Уже сегодня по многим вопросам ближневосточной политики их позиции кардиналь-

но расходятся с американскими. События вокруг Ирака весной 2003 г. продемонстрировали существенные расхождения в позициях США и ведущих стран ЕС — Франции и Германии. Позиции главных союзников по НАТО в отношении войны в Ираке лишней раз доказывают справедливость данного тезиса. Это создает широкое поле для политического маневра многим государствам региона.

В последние годы на роль одного из региональных лидеров начинает претендовать Турция, участие которой в ближневосточных делах становится все осязаемее. Ослабление позиций России на южном направлении приводит к усилению позиций Анкары не только на Кавказе, но и в Средней Азии. Охлаждение европейско-турецких отношений, вызванных нежеланием принять Турцию в состав Европейского союза, предопределило активизацию Турции на ближневосточном и кавказском направлениях. Ввод в эксплуатацию юго-западного маршрута транспортировки каспийской нефти через турецкий порт Джейхан еще более усилит позиции этого государства. Вызывает немалую озабоченность у ближневосточных стран и укрепление турецко-израильского альянса.

Помимо этого Турция продолжает оставаться одним из главных форпостов и проводников американского влияния в регионе. Вместе с тем, возможность исламизации Турции вызывает серьезную озабоченность не только у ее соседей, но и у США, и их европейских союзников по НАТО, поскольку это может вывести ее из сферы их влияния, как это произошло с Ираном. Приход клерикалов к власти в Турции вызовет серьезнейшие геополитические изменения в регионе, что приведет к угрозе национальной безопасности соседних государств.

Свержение режима Саддама Хусейна послужило новым импульсом для развития курдского сепаратизма. Если курды получат контроль над северными иракскими нефтяными месторождениями, будет создана мощная финансово-экономическая база для курдских радикальных группировок не только в Ираке, но и в Турции, Иране и Сирии. Это может спровоцировать Турцию к вводу своих войск в северные районы Ирака, что самым негативным образом повлияет на состояние стабильности и безопасности на всем Ближнем Востоке.

В последние годы наблюдается усиление геополитического значения Израиля, в первую очередь для европейских стран и России. Этому послужило окончание блокового советско-американского противостояния, определенное охлаждение в американо-израильских отношениях, вызванных ставкой США на ряд радикальных мусульманских режимов в Персидском заливе, в первую очередь Саудовскую Аравию, являющуюся наиболее откровенным антагонистом Израиля. В немалой степени российско-израильскому сближению способствует рост политического влияния «русской общины» — выходцев из бывшего СССР, имеющих тесные культурные и деловые связи со своей родиной.

В Израиле также высказывается определенное недовольство откровенным нажимом США на израильские позиции в ходе арабо-израильских переговоров. Неэффективность и напористость американского посредничества как в арабских странах, так и в Израиле в значительной степени объяснялись отстранением от посреднических функций России и стран Евросоюза, что давало серьезные основания последним для усиления своего влияния на Ближнем Востоке.

Следует также принять во внимание тот факт, что Израиль продолжает оставаться главным объектом нападений мусульманских радикальных группировок и тем самым является флагманом борьбы против мусульманского терроризма, накопившим в этом огромный опыт, который может быть с успехом использован в других странах. Это способствует расширению сотрудничества Израиля со многими государствами. Несмотря на известные экономические трудности, Израиль продолжает оставаться самой динамично развивающейся страной Ближнего Востока, единственным государством региона, возможно, обладающим ядерным оружием. Это, с одной стороны, гарантирует его независимость, с другой стороны, показывает, что крупномасштабная арабо-израильская война в будущем недопустима, поскольку она в случае реальной угрозы поражения Израиля может иметь самые непредсказуемые последствия для всего человечества.

События на Ближнем Востоке говорят о том, что отстранение от власти С. Хусейна привело к существенным геополитическим изменениям не только в регионе Залива, но и на всем Ближнем Востоке. Геополитическое будущее Ирака не может не вызывать серьезной озабоченности у стран региона и у многих государств, так или иначе вовлеченных в ближневосточные дела. В связи с этим возможно несколько вариантов развития событий. Наиболее вероятный из них заключается в том, что в Ираке будет сохранен установленный там проамериканский режим. Для его поддержки Соединенные Штаты разместят в стране крупные воинские силы как наземного, так и морского базирования. В экономической области концессии на разработку иракской нефти окажутся под контролем американских корпораций. Им будет выгоднее сконцентрировать свои основные усилия и ресурсы на хорошо известных иракских запасах, нежели ввязываться в строительство дорогостоящего и широко разрекламированного Джейханского проекта по освоению только лишь предполагаемых больших нефтяных ресурсов Каспия. В этом случае пострадают интересы Турции, которая постарается заполнить американскую нишу, взяв на себя геополитический контроль над странами региона. Поэтому США постараются, скорее всего, сделать главный акцент на укреплении своего геополитического влияния в Закавказье, что позволит им в среднесрочной перспективе вернуться к усилению экономического контроля.

Укрепление позиций США в Ираке обеспечивает им главенствующую роль в большой мировой нефтяной игре. Однако это возможно при условии быстрой стабилизации социально-политической жизни, восстановления и развития экономического потенциала страны. Это может быть обеспечено только при значительном увеличении экспортных квот иракской нефти за счет сокращения добычи в других странах – членах ОПЕК. В связи с этим, скорее всего, ОПЕК будет предъявлен своего рода ультиматум – либо пойти на значительное сокращение квот для своих членов, либо Ирак выйдет из состава ОПЕК и тогда вообще будет поставлен под вопрос смысл существования данной организации.

Ни страны-экспортеры, ни страны-потребители не заинтересованы в хаосе на мировом нефтяном рынке. Однако ОПЕК не раз выступала инструментом нажима на страны — потребители нефти. Поэтому можно ожидать, что на месте разрушенной ОПЕК будет создана другая организация, с большим участием в ней промышленно развитых стран. При этом США попытаются занять в ней лидирующие позиции. Не следует забывать о том, что Саудовская Аравия и Ирак, два главных экспортёра нефти, находятся под их геополитическим контролем.

Подобное развитие событий самым негативным образом повлияет на стратегические позиции Ирана, который, по сути дела, остался один на один против США в их устремлениях по установлению своей гегемонии в Персидском заливе. Это неизбежно приведет к усилению тенденций конфронтации в американо-иранских отношениях, которая может дойти до крайне опасной черты, принимая во внимание ставку нынешней американской администрации на решение международных проблем силовыми методами. Таким образом, вполне вероятно дальнейшее охлаждение в американо-иранских отношениях. При этом будут предъявляться обвинения, аналогичные выдвигаемым Ираку при С. Хусейне: попытка создания оружия массового поражения, поддержка мирового терроризма и т. д. Одной из реально осуществимых ответных мер Ирана может стать дестабилизация ситуации в Ираке через шиитское население проиранской ориентации. Это в свою очередь вынудит США сконцентрировать свои усилия на Ираке, втянуться в курдский конфликт и тем самым завязнуть там на неопределенно долгое время, как это произошло в Афганистане.

Концентрация основного внимания США, в том числе и экономической помощи, на Ираке может привести к охлаждению саудовско-американских отношений. Вполне очевидно, что это получит всемерную поддержку со стороны саудовских шиитов — проиранской «пятой колонны» в Королевстве. Таким образом, подобное развитие событий может послужить основанием для сближения Тегерана и Эр-Рияда, так как оба эти государства не заинтересованы в геополитическом усилении Ирака.

Все это делает путь транспортировки нефти через Персидский залив опасным и нестабильным, что вынудит добывающие нефть страны искать другие, более безопасные пути. Их на сегодняшний момент два: либо через Суэцкий канал, либо через Красное море и Баб-эль-Мандебский пролив. Главным недостатком северного пути — через Суэцкий канал — является то, что через него могут проходить танкеры водоизмещением до 160 тыс. т [2, р. 437–455]. В настоящее время планируется расширить его для прохода судов в 200 тыс. т, однако это не решит проблемы, поскольку большинство нефтеналивных судов имеет водоизмещение в 250 тыс. т и более.

Следовательно, остается южный путь по Красному морю. В результате возрастает стратегическое значение Йемена, занимающего около 500 км юго-восточного побережья Красного моря, контролирующего Баб-эль-Мандебский пролив, и около 1000 км южной оконечности Аравийского полуострова. Очевидно, что при тесных взаимовыгодных отношениях со странами — экспортерами нефти Йемен будет готов выступить в качестве гаранта безопасности транспортировки нефти через Баб-эль-Мандеб. Таким образом, существуют объективные предпосылки интегрирования Йемена в региональные структуры Аравийского полуострова и возрастания его геостратегического значения.

Неравномерность в уровнях и темпах модернизации стран Ближнего Востока, а также процессы глобализации, происходящие повсеместно, приводят к дальнейшей маргинализации значительного количества социальных слоев ближневосточного общества. Вследствие этого Ближний Восток является колыбелью таких радикальных мусульманских экстремистских течений, как «Братья-мусульмане», «Хэзболлах», «Серые волки», «Хамаз», ваххабизм, «Аль-Каида» и т. д. Ввиду мощной финансовой основы подобных группировок происходит быстрое распространение их влияния во многих странах мусульманского мира. В некоторых из них уже сегодня существует реальная угроза прихода радикалов к власти. Определяя объектом своей борьбы всех, кто не разделяет их доктрину, и используя террористические методы, экстремисты пытаются развязать террористическую войну. Таким образом, Ближний Восток становится главным мировым центром распространения терроризма. Подобные тенденции значительно дестабилизируют ситуацию в регионе и повышают ее взрывоопасность.

Ликвидация очагов терроризма без уничтожения основ его существования делает борьбу с ним малоэффективной и бесперспективной. Следовательно, в ближайшем будущем мировое сообщество будет вынуждено концентрировать на данном регионе свое внимание, значительную часть финансовых и иных ресурсов.

В противном случае метастазы терроризма пустят свои корни по всему миру. Именно эта угроза создает реальную основу для сотрудничества всех ведущих государств мира по борьбе с ним. Эффективность интеграции в любой сфере в

наибольшей степени повышается не столько при наличии сходных интересов, сколько при существовании общей угрозы.

Характерно, что на Ближнем Востоке, в регионе, где имеется немало сложных проблем, на сегодняшний день отсутствует система обеспечения безопасности. Более того, нет пока и каких-либо организационных форм для формирования такого рода систем. В этом смысле Ближний Восток остается одним из самых отсталых районов мира.

Существуют разные варианты изменения геополитических параметров региона. На наш взгляд, два из них заслуживают внимания. Первый вариант — включение региона в уже существующие внерегиональные системы безопасности и военно-политические структуры. Речь здесь может идти, прежде всего, о подключении в том или ином объеме к деятельности НАТО, что в практическом плане будет означать вхождение в сферу влияния США. Следует сразу оговориться, что особняком здесь стоит Турция как член НАТО, Израиль, имеющий «особые отношения» с лидером НАТО США, а также Иран и Сирия, отвергающие любое сотрудничество с этим блоком в любой форме.

В большинстве арабских стран НАТО рассматривается как наиболее успешно функционирующая военно-политическая межгосударственная структура. Военные кризисы последних лет в регионе показали, что в противостоянии силе многое решает ответное применение силы, и здесь военно-политические группировки могут оказаться подходящим инструментом для практической реализации линии на подавление агрессии. В арабских странах довольно широкое распространение получило представление о том, что прочная система региональной безопасности может быть создана только при гибком решении вопроса о внешних гарантах. На сегодняшний день таковыми могут выступать США, ряд других крупных государств. В будущем вполне возможно появление коллективного гаранта, в первую очередь в лице НАТО.

Предлагаемый вариант имеет и ряд недостатков. В региональную систему безопасности будет включен не весь Ближний Восток, а только часть его территории. Страны же, не вошедшие под «американский зонтик», будут вынуждены в больших объемах наращивать свое вооружение, в том числе и за счет ядерных технологий. Они также будут поставлены перед необходимостью поиска своих «внешних гарантов», которыми могут выступить крупные государства, например, Китай, Россия или Индия, также обладающие ядерным оружием. Иными словами, если система безопасности и будет создана, то она будет отличаться крайней нестабильностью. Это в конечном итоге полностью не решит проблему.

Второй возможный вариант организации региональной безопасности — это создание блоковой системы сдержек и противовесов. По сути, движение в этом направлении ведется уже давно. Так, в апреле 1950 г. под эгидой Лиги арабских государств семь стран подписали соглашение о совместной обороне. В феврале

1981 г. был образован Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в рамках которого были созданы объединенные вооруженные силы «Щит полуострова». В феврале 1989 г. был создан Союз арабского Магриба (САМ), в положении о создании которого оговорено, что агрессия против любого из членов договора расценивается как агрессия против всего союза. Пример последних лет — заключение в 1996 г. двустороннего соглашения в военной области между Израилем и Турцией.

Несмотря на такое значительное количество «осей», «треугольников» и прочих фигур, приходится констатировать, что крупных достижений, кардинально меняющих состояние безопасности на Ближнем Востоке эти блоки пока не дали.

### **Библиографический список**

1. *Панин В.Н.* Стратегический энергетический эллипс — новая геополитическая конструкция Евразии // Вестник ПГАУ. 2003. № 1.
2. *Burrowes R.* Oil Strike and Leadership Struggle in South Yemen: 1986 and beyond // *The Middle East Journal*. Washington, 1989. Vol. 3.
3. *Forsythe R.* The Politics of Oil in the Caucasus and Central Asia: Adelphi Paper 350. L.: The International Institute for Strategic Studies, 1996.
4. *Panin V.* Russia, Islam and the North Caucasus // *Islam and Central Asia* / Eds. Roald Sagdeev and Susan Eisenhower. Washington: Center for Political and Strategic Studies Press, 2000.